

Ночь в городе Цзиньян, как и всегда, сияла мириадами огней. На широких улицах щедрые и благородные литераторы, вовсю соря золотыми монетами, нисколько не жалели и своих неисчерпаемых жизненных сил.

Есть силы — будет и страсть.

А золото и страсть во все времена были самым притягательным в этом спрятавшемся в ночи городе Цзиньян. Именно благодаря им он всё еще стоял непоколебимо, пережив все бури и невзгоды империи.

В этот самый момент в одном из самых элитных борделей города Цзиньян — в Сыцзи Хуасян — разыгрывалось именно такое представление, рожденное совместными усилиями золота и страсти.

Уж неведомо, как Лю Сяожун добился этого, но госпожа Мудань — первая среди четырех великих куртизанок прославленного Сыцзи Хуасян — внезапно объявила, что больше не принимает гостей. Ибо нынче вечером все до единого посетители, пришедшие в Сыцзи Хуасян, станут её гостями.

Стоит заметить, что госпожа Мудань была фигурой в Цзиньяне гремевшей на всю округу. При безумной раскрутке со стороны некоторых финансовых кругов было бы даже преувеличением сказать, что она прославилась на весь мир. Говорили, что стоимость проведения с ней прекрасной ночи достигала астрономической суммы в тысячу золотых монет. Даже князь Жун, за чьей спиной стояла вся мощь престарелого императора, мог позволить себе задушевную беседу с госпожой Мудань от силы раз в месяц.

Поэтому нетрудно представить, в какое безумие погрузился весь Цзиньян, когда разнеслась весть о том, что госпожа Мудань собирается бесплатно принимать всех прибывающих знатных гостей.

Под этим призывом, звучащим словно глас божественного оракула, не говоря уже о богатых и влиятельных аристократах, даже те бывшие герои, что лежали прикованными к постели, принялись подгонять домочадцев, требуя, чтобы их принесли сюда, точно мертвецов.

Мало того, Лю Сяожун вскоре заметил, что по мере стремительного разрастания слухов новость, пущенная Сыцзи Хуасян, быстро превратилась в нечто куда более взрывоопасное: будто нынче ночью госпожа Мудань широко распахнет двери для гостей со всех четырех сторон, причем первой прилюдно уединится с князем Жун, а все остальные станут ждать своей очереди.

В результате те девицы, что некогда имели глубокую и интимную связь с князем Жун, раздираемые отчаянием и готовностью покончить с собой, движимые главным образом желанием померяться силами с цветочной куртизанкой, созывали подруг и со всех сторон стекались сюда бурной рекой.

В итоге сегодняшний Цзиньян, хоть и сиял прежними огнями, но вся ночная слава принадлежала отныне исключительно Сыцзи Хуасян. Глядя на плотную, взбудораженную толпу вокруг, хозяйка Сыцзи Хуасян улыбалась до ушей.

— О доблестные мужи, прибывшие со всех концов света!

Стоя на помосте, устланном розовым ковром, Лю Сяожун жестом велел Гуй Цзю, у которого на лице явно читалось чрезмерное напряжение, отойти назад, а затем опустил обе руки ладонями вниз, быстро утихомиривая прежде галдящую толпу.

— Маленький ван знает: те, кто пожаловал сюда нынче вечером, будь то мужчина или женщина, — все до единого ужасно нетерпеливы.

— С чего это маленький ван заговорил об этом? Хе-хе, ведь пока поясенец еще завязан, торопится мужчина — он вечно подгоняет женщину; а стоит развязать пояс, как торопиться начинает уже женщина — она точно так же принимается подгонять мужчину.

Едва эти слова сорвались с губ, как все собравшиеся внизу мужчины и женщины разразились громогласным хохотом, который сопровождался стыдливymi и сердитыми выкриками вроде «зараза этакий». Даже госпожа Мудань залилась краской смущения и свирепо зыркнула на Лю Сяожуна.

Что же касается Шан Янь, стоявшей чуть вдали, та и вовсе дрожала от гнева всем телом. С юных лет исколесившая вдоль и поперек разные края и повидавшая немало самых разных людей, она еще никогда не встречала столь бесстыдного подонка!

И надо же было такое выболтать при стольких свидетелях. На всем белом свете, кроме этого гада, пожалуй, больше и некому.

— Сяо И, если чуть позже я не сдержусь и отправлюсь рубить головы в помещение, чур не удерживать меня! Я лучше позволю отцу запереть себя в комнате на всю оставшуюся жизнь, но избавлю сестер-женщин по всему миру от этого мерзавца десятой степени! — Шан Янь сделала десять глубоких вдохов подряд, прежде чем смогла кое-как заговорить — это был её последний предел терпения.

— Не волнуйтесь, барышня, я лишь добавлю ему два удара мечом в спину, в худшем случае — уйду на тот свет вместе с ним! — Сяо И тоже разозлилась так, что легкие едва не разрывались от гнева.

— Итак, я не намерен говорить лишнего. Далее мы с госпожой Мудань планируем... сразу перейти к делу!

— О!

— Давай!

Как только Лю Сяожун умолк, это тут же вызвало дикий рев доброй половины мужской части аудитории, а кое-кто из особо одаренных даже принялся свистеть.

— Послушай, мелкий князь Жун, вам обоим давно уже пора так поступить! Раз уж вылезли на сцену, чего теперь стыдиться? Послушай моего совета, распусти же скорее этот пояс!

— Князь Жун, «одна ветвь грушевого цвета давит восемь кустов бегонии» — это ведь твое почтенное прозвище? Скажу по правде, я давненько тебе не завидую! Сегодня мне вот до смерти хочется посмотреть: если заменить ее цветом пиона, сможешь ли ты всё так же подавлять соперника?

— Точно! У пиона ведь есть шики, смотри сам не уколи свою «голову»!

— Князь Жун, сделай одолжение, шевелись быстрее! Ты ведь идешь первым, так уважь и нас, стоящих в очереди позади!

— Да тише вы все! В предстоящие минуты всем дозволено только смотреть, а рты раскрывать нельзя. Князь Жун, госпожа Мудань, ну же, извольте начать свое представление!

— Без проблем!

Лю Сяожун хмыкнул, но протянул руку в сторону некоего слегка припухшего места и громко произнес:

— И все же, прежде чем начать, я хочу спросить у всех присутствующих: знаете ли вы, откуда у меня эта рана?

— Князь Жун, ты часом не перепутал сторону? Ранение-то должно быть спереди!

Какой-то малый, возомнивший себя остроумным, уже собирался рассмеяться, но, заметив, что остальные вокруг хранят молчание, тут же поспешно зажал себе рот ладонью.

— Мелкий князь Жун, неужто ты хочешь сказать, что госпожа Мудань только что поменялась с тобой ролями?

Фраза выдалась на редкость ядовитой, и кто-то ее ляпнул, снова вызвав всеобщий хохот.

— А этот братец высок пошибом! — усмехнулся Лю Сяожун. — Честно говоря, эту рану я получил от падения, но вовсе не из-за госпожи Мудань, а из-за...

Тут он сделал паузу и, выждав, пока на него устремится достаточное количество взглядов, медленно произнес:

— ...маршала Юэ!

— Мелкий князь Жун, про какого это маршала Юэ ты говоришь? Она что, в Сыцзи Хуасян, или в Павильоне Облаков и Вод, или в Розовом Раю? Чего-то мы не слыхали о таком!

— Да ты глупец, поднебесной известен лишь один маршал Юэ!

Тому пареньку, что только что выказывал недоумение, кто-то отвесил яростный рык.

— Верно, поднебесная и вправду знает лишь одного маршала Юэ, и говорю я именно о ней, — неторопливо промолвил Лю Сяожун.

Но едва его слова затихли, как прежний грозный окрик раздался снова:

— Князь Жун, ты соображаешь, где находишься? Если ты посмеешь запятнать доброе имя маршал Юэ, я сию же секунду пойду с тобой на смерть!

Рев прозвучал подобно раскату грома и заставил Лю Сяожуна вздрогнуть от неожиданности. Оглянувшись на звук, он увидел худшего до скелета человека на носилках, который с трудом приподнимался, вперив в него свирепые, словно клинки, глаза. От фигуры этого раненого исходила едва уловимая кровавая аура убийства, заставлявшая стоявших рядом гостей невольно пятиться назад.

И гадать не приходилось: этот человек явно прошел через горы трупов и реки крови, будучи отставным ветераном. Такие воины куда страшнее любых отъявленных головорезов.

— Уважаемый, остыньте немного, выслушайте меня. Клянусь, у меня не было ни малейшего намерения оскорбить маршал Юэ, — поспешно принялся оправдываться Лю Сяожун.

<http://bllate.org/book/21193/2145622>